

ШАМПОЛЬОН, ЕГО РУССКИЕ ДРУЗЬЯ И ЗАРОЖДЕНИЕ ЕГИПЕТСКОЙ МУЗЕОЛОГИИ

Более двух с половиной десятков лет тому назад во время осмотра храмов Абу-Симбела я заметил на груди северного колосса, стоящего справа от входа в большой храм, выбитую большими буквами надпись «A.D'UXKÜLL» и, ниже, — «1823». Обе строки выполнены, как мне показалось, одной и той же рукой. Обратившись за справкой к прекрасной книге «Abou-Simbel et l'épopée de sa découverte», изданной за год до этого Луи Кристофом в Брюсселе, я убедился, что авторитетнейший ученый, занимавшийся историей изучения Нубии, также полагал, что дата «1823» составляет часть того же граффито. Кристоф, однако, не смог отождествить путешественника, фамилию которого он, впрочем, прочел иначе — «A. DUXHULL». Правильное чтение подтвердилось в 1974 г., когда, находясь в уютном саду нового Хартумского музея, я обнаружил на одной из квадратных колонн перенесенного туда храма из Семне надпись — «BARON D'UXKULL». Сочетание этих двух граффити свидетельствует о том, что всего лишь через шесть лет после открытия Дж. Бельцони большого храма в Абу-Симбеле и сразу же по окончании египетской военной экспедиции Исмаила паши по завоеванию Судана, было совершено путешествие по всей Нижней Нубии неким бароном Иксулем.

Последний, не упомянутый ни в опубликованном в 1972 г. труде О.В. Волкова «Voyageurs russes en Egypte», ни в библиографиях Еловича, Хилми, Ге или Монье, не внесенный также ни в важный «Biographical Dictionary of the Sudan» (1951 и 1967) Р. Хилла, ни в ценнейший «Who was Who in Egyptology» (1951 и 1972) У. Доусона и Э. Апхилла, заслуживает тем большего внимания, что он скопировал в Египте множество надписей, снабженных позже комментариями эллинистом Летронном, собрал небольшую коллекцию, опубликовал отчет, ставший библиографической редкостью, и, самое главное, встречался впоследствии в Италии с Шампольоном. Последнее обстоятельство заставляет вспомнить прекрасный прием, оказанный Шампольону в Риме российскими дипломатами, например, Италициским и особенно Станиславом Коссаковским, который даже собрался сопровождать Шампольона в Египет.

В 1985 г. профессор С. Курто опубликовал в своем сборнике переписки Б. Дроветти, бывшего Генерального консула Франции в Египте, письмо, присланное ему 31 декабря 1832 г. из Асьюта Жозефом Лагранжем, который сообщает следующее:

«Mon cher Monsieur Drovetti, malgré que la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire en date du 13 novembre m'eut rassuré sur l'état de votre santé dont j'avais reçu indirectement des nouvelles peu satisfaisantes, j'ai cependant regardé comme un grand honneur d'avoir entendu Mr Desseps et Mr le baron Russe son compagnon de voyage, qu'ils vous ont laissé en bonne santé.

Je n'avais pas l'honneur de connaître ces deux personnages, aussi auront-ils

regardé comme une grande indiscretion de ma part de les avoir tout d'abord accablés de questions...»¹ (Epistolario, no. 176).

Отметим прежде всего, что «Дессепс» следует исправить на «Лессепс»: это имя также можно найти в Абу-Симбеле, я обнаружил его, также в сочетании с датой 1823, на одной из колонн храма Семне, недалеко от граффито барона Иксуля. По мнению Л. Кристофа, это был Матье де Лессепс, Генеральный консул Франции в Сирии, который, судя по этой надписи, должен был бы посетить Нубию. На самом же деле, речь должна идти о Теодоре де Лессепсе (1802—1874), старшем сыне Матье и брате Фердинанда. Что же касается «русского барона, его спутника», о котором упоминается в письме Лагранжа, то он должен быть никем иным, как бароном Иксулем. Странно, однако, что в письме не упомянут граф Петр Медем, будущий Генеральный консул России в Египте (1837—1841), который именно с этими двумя путешественниками поднялся вверх по Нилу до Второго порога, прежде чем вернуться в Судан 15 годами позже.

Отметим также, что именно этому компаньону двух русских путешественников должно принадлежать и граффито «Lesseps 1823» в Дакке (что позволяет, кстати, установить место одной из остановок группы), которое Кристоф ошибочно датировал 1820 годом и приписал его отцу. По этой причине имя графа Матье де Лессепа должно быть исключено из списка путешественников, побывавших в 1820 г. в Нубии, списка, в котором значатся такие имена, как сэр Фредерик Хенникер, Карло Видуа, Джулио Андреа Корнер, Джордж Уолдингтон и Барнард Хенбери, Фредерик Кайо и Пьер-Констан Леторзек, А. Пьози, Джузеппе Дзукколи, Джироламо Сегато, Т. Борг, Г. Севаль, Джордж Бетюн Инглиш и Дж. С. Уиггетт. Напротив, рассказ барона Иксуля, который дважды цитирует профессор Л.А. Бальбони в 1906 г. в своем «*Gl'Italiani nella Civiltà Egiziana del Secolo XIX*» (по случаю упоминания бароном консула Дроветти и в связи с сообщением о его привозе в Рим гипсовой копии барельефа, открытого Кавильей), должен, как новая страница начального этапа изучения Нубии, быть поставлен в один ряд со свидетельствами Джона Гарднера Уилкинсона, Линана де Бельфона, Р.Т. Гордона, Джона Медокса, Дж. Ф. Парти и Джованни д'Атанази, также посетивших Нубию в 1822—1823 годах.

Говоря о русских исследователях этой части Африки, в общем, по-видимому, не слишком многочисленных, следовало бы упомянуть также и с том путешественнике, который то ли в конце 1816, то ли в начале следующего года был убит в районе Дерра, в то время как его товарищу удалось спастись, ускользнув в Асуан. Об этом трагическом происшествии писали тогда много, в том числе Ирби и Мангле в «*Travels in Egypt and Nubia... during the years 1817 and 1818*», однако имя этого русского путешественника осталось неизвестным. К тому же в 1836 году, в год нубийской экспедиции А.С. Норова, многие граффити, оставленные в Филе поверх большой французской надписи английскими и русскими путешественниками, были стерты Приссом д'Авенном во время реставрации этой памяти о пребывании членов французской экспедиции в Египте.

Шампольон упоминает барона Иксуля, которого он встретил в Италии, в двух письмах сэру Уильяму Геллу, хранящихся в Британском Музее и опубликованных Генри Р.Х. Холлом в «*Journal of Egyptian Archaeology*» в 1915 г. «Сообщите барону Иксулю, что Летронн занимается его надписями и обнаружил всего две неопубликованных. Он, впрочем восхищен точностью копий», — пишет Шампольон своему корреспонденту в Италии 4 февраля 1827 г., а не 1826 г., как считалось начиная

¹ «Дорогой г-н Дроветти, несмотря на то, что письмо от 13 ноября, коим Вы меня почтили, обнадежило меня относительно состояния Вашего здоровья, насчет которого до меня косвенным образом доходили неутешительные сведения, я, тем не менее, почел за большую для себя честь услышать от господина Дессепа и г-на Русского барона, его спутника, что они оставили Вас в добром здравии.

Я не имел чести знать двух этих особ, и надеюсь, что они не сочли нескромным с моей стороны то, что я прежде всего засыпал их вопросами...».

с 1915 г. «Сообщите мне также имена, должности и титулы чудесного барона Иксуля, нашего доброго и преданного спутника», — просит у того же сэра Уильяма Гелла Шампольон 12 сентября, уточняя для нас тем самым, что их встреча имела место именно в Италии, и притом после путешествия барона на Восток, и явно после первых чисел марта 1825 г., времени, когда дешифровщик «много встречался с господином Дедвеллом и сэром Уильямом Геллом», как он писал тогда своему брату и аббату Гаццера. В том же 1825 году и Микеланджело Ланчи опубликовал исследование о барельефе из коллекции Салта, скопированном нашим бароном в Египте («Illustrazione di un Kilanaglifo copiato in Egitto da Sua Eccellenza signor Barone d'Icscull»), которое Ипполито Резеллини отрецензировал в сентябре того же года в XIX томе «Antologia Viecche» во Флоренции.

Итак, этот остзейский барон входил, видимо, в круг людей, объединившихся в Риме вокруг секретаря русского посольства Станислава Косаковского (1795—1872) и увлекшихся работами Шампольона и всем тем, что имело отношение к Египту. Возможно, это обстоятельство сможет пролить свет на судьбу описей и коллекции, собранной бароном Иксулем в 1822—1823 годах в долине Нила.

Почетным членом Петербургской Академии наук Шампольон был избран 10 января 1827 г., т.е. более чем за три года до своего принятия во французскую Академию Надписей и Изящной Словестности; это является свидетельством как популярности его работ в России, так и вообще его тесных взаимоотношений со многими русскими учеными. По этому поводу я хотел бы отослать читателей к статье «Nouveaux documents sur l'Histoire de l'egyptologie», опубликованной И.Г. Лившицем в 1961 г. «Cahiers d'Histoire mondiale», где можно найти и изложение иероглифической системы Шампольона, составленное Коссаковским для своего патрона в Риме, Италинского, и письмо Шампольона тому же Коссаковскому от 25 июня 1825 г. Оба эти документа хранятся в С.-Петербурге: первый в отделе рукописей Института востоковедения Российской Академии наук, второй в отделе рукописей Государственной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Здесь уместно вспомнить и переписку Шампольона в 1823—1824 гг. с директором Петербургской Библиотеки и Президентом Академии изящных искусств А.Н. Олениным, а также — письмо г-ну де Сен-Флорану, поставщику книг Императорского двора в Санкт-Петербурге, и некоторые другие автографы Шампольона, детально описанные ныне в превосходном «Répertoire de bibliographie analitique» Жанно Кеттеля, где глава «Champollion vu par les savants russes et soviétiques», включающая 35 наименований, составлена Т.Н. Савельевой.

Напомним также, что одним из самых верных сторонников Шампольона в Риме был не кто иной, как князь Гагарин. Зная, сколь трудным было финансовое положение Шампольона, князь без колебаний, через посредство шевалье Бартольди, деликатно предложил египтологу по 1000 франков за каждую из шести лекций, которые португальский посол, граф Фуншал, собирался устроить в честь египтологии. Ответ Шампольона шевалье Бартольди, датированный 30 мая 1825 г., показывает, насколько обостренной была реакция египтолога на это щедрое предложение:

«Je trouve, Monsieur, en rentrant chez moi, le billet que vous m'aviez fait l'honneur de m'écrire. Ce n'est point sans une grande surprise que j'ai lu celui que vous adresse M. le Prince Gagarin. Il faut que sois ou bien mal compris ou bien mal jugé pour qu'on ait pensé, ainsi qu'ont le fait, à me proposer un salaire comme s'il s'agissait d'une espèce de représentation. J'ignore si de tels arrangements sont dans les us et coutumes de l'Italie; mais les lettrés français, toujours empressés de propager le peu de science qu'ils peuvent posséder, ne songèrent jamais à la vendre...»².

² «Вы оказали мне честь, написав записку, которую я обнаружил у себя по возвращении. Я, однако же, с большим удивлением прочел то, что писал Вам князь Гагарин. По-видимому, меня то ли плохо поняли, то ли обо мне сложилось превратное впечатление. Только этим можно объяснить мысль предложить мне плату, как если бы речь шла о каком-то представлении. Не знаю, возможно, такие сделки приняты в Италии; но французским ученым, всегда стремящимся поделиться той малой толикой науки, которой они могут обладать, никогда не приходило в голову продавать ее...»

Тем не менее в письме к своему брату, написанном 22 июня во Флоренции, он сам сообщает о египетских занятиях, на которых присутствовали князь Гагарин и многие другие дипломаты: «Les hiéroglyphes sont en grand honneur à Rome (...) Le Duc (de Blacas) m'ayant mis en rapport avec tout le corps diplomatique, on m'a questionné, interrogé, et on a voulu absolument que je donnasse, avant de partir, chez M. le Comte de Funchal, amassadeur du Portugal, cinq ou six séances, dans lesquelles j'ai développé mon système et la marche de ma découverte. L'auditoire était choisi: le Duc de Laval-Montmorency, le Comte de Funchal, le Prince Gagarin (de Russie), le Comte Kossakowsky (de Pologne), le Baron Bunsen (de Prusse), Kestner (de Hanovre), Comte de Velo, l'abbate Féa, le Chevalier Bartholdy, Ciccolini, Mgr. Mai, etc., etc. Bref un peu de toutes les nations et de tous les peuples de l'Italie. C'était une vraie mission que je prêchais là, et la grâce efficace a agi, et j'ai compté autant de convertis que d'assistants»³.

Шампольон собирался поддерживать переписку с большинством из своих римских друзей, у многих из которых, как у Кестнера и Бартольди, были живо интересовавшие его египетские древности. Ведь в письме к брату, отправленном из Гренобля 4 января 1826 г., он беспокоится из-за отсутствия сведений от Станислава Коссаковского: «J'attends avec impatience la lettre de W. Gell que doit m'apporter le Docteur Carabin. Envoie-moi toutes celles qui ont pu m'arriver depuis mon départ (de Paris), et regarde s'il y en a du Comte Kossakowsky, mon grand ami de Rome. Je ne sais ce qu'il est devenu»⁴.

Во время второго путешествия по Италии, когда Шампольон приехал в Рим 18 июля 1826 г., российский посол Италинский и его сотрудник Коссаковский проявили к египтологии большое внимание. Как он описывал одиннадцатью днями спустя в письме брату «M. D'Italinsky, quoique soufflé journellement par la vipère Lanci, m'a témoigné les mêmes bontés, et j'ai retrouvé en Monsignor Mai la même ardeur et pour l'Égypte et pour l'égyptien»⁵.

Не говоря уже о лекциях того же типа, что он читал за год до того у графа Фуншала, во время первых уроков египетского образовались определенные объединения, если верить отрывку из того же письма: «Les apôtres de mon système à Rome, le Comte Kossakowsky, premier secrétaire de la légation russe, M. de Bunsen, chargé de Prusse, M. de Kestner, chargé d'affaires du Hanovre et d'Angleterre, et M. le Marquis de Croza, chargé d'affaires de Sardaigne, ont conservé toute leur ferveur et leur attachement pour ma doctrine hiéroglyphique, malgré les Lanciani et l'apparition de Seyffarth aux pieds du Capitole...»⁶.

Кроме того, как мы узнаем из того же письма, именно у российского посла, в присутствии Густава Зейффарта Шампольон подверг критике взгляды, развивавшиеся последним: «Nous avons eu une conférence chez M. d'Italinsky. Je lui ai

³ «Иероглифы в Риме в большой чести (...) После того как герцог (де Блакас) представил меня всему дипломатическому корпусу, меня расспрашивали, выспрашивали и настояли на том, чтобы я до отъезда дал у графа Фуншала, посла Португалии, пять или шесть занятий, в которых обрисовал бы мою систему и ход моего открытия. Аудитория была избранная: герцог де Лаваль-Монморанси, граф де Фуншал, князь Гагарин (из России), граф Коссаковский (из Польши), барон Бунзен (из Пруссии), Кестнер (из Ганновера), граф де Вело, аббат Феа, шевалье Бартольди, Чикколини, монсиньор Май, и пр., и пр. Короче говоря, понемногу от всех наций и народов Италии. Я прямо-таки проповедовал, и благодать снизошла на нас, и я насчитал столько же новообращенных, сколько было присутствующих».

⁴ «Я жду с нетерпением письмо от У. Гелля, которое должен мне привезти доктор Карабен. Пришли мне все письма, которые пришли со времени моего отъезда (из Парижа), и посмотри, нет ли там письма от графа Коссаковского, моего большого друга по Риму. Я не знаю, что с ним стало».

⁵ «Г-н Италинский, как бы не наущничал ему ежедневно эта гадина Ланчи, проявил ко мне те же добрые чувства, а монсенюр Май проявил тот же пыл и к Египту, и к египетскому языку».

⁶ «Поборники моей системы в Риме, граф Коссаковский, первый секретарь русской миссии, г-н Бунзен, поверенный Пруссии, г-н Кестнер, поверенный в делах Ганновера и Англии, и г-н Маркиз де Кроца, поверенный в делах Сардинии, сохранили весь свой пыл и всю привязанность к моему иероглифическому учению, несмотря на разных Ланчиани и на появление Зейффарта у подножия Капитолия...».

montré (à Seyffarth) sans ménagements tout le vice de son affaire et poussé des arguments auxquels il n'a su que répondre (...) Le seul partisan qu'il ait ici est Lanci qui le pousse»⁷.

Все это, конечно, напоминает уроки египетского, которые Шампольон давал в Париже, на Набережной Вольтера, у барона Вивана Девона для нескольких друзей, или знаменитое «открытие» 30 ноября 1823 г. мумии Петеменона, привезенной из Фив Фредериком Кайо. Среди тех, кто в этот день спешил в дом № 11 по улице Севр в Собрание редкостей Кайо, можно было отметить и графа Орлова — явное свидетельство того, что египтология и работы Шампольона уже стали весьма престижными. Следует не забывать и о том, что начиная с сентября 1823 г. Шампольон высказывал пожелание, чтобы император Александр приобрел коллекцию Дроветти, о чем он писал в цитирувавшемся выше письме г-ну де Сен-Флорану. Наконец, практически в то же самое время, когда прекрасная коллекция, собранная в Египте миланцем Кастильоне (умер в 1849 г.) была в 1826 г. приобретена Императорской Академией наук за 40 000 рублей, мы видим в Париже «M. Divow, qui achetait des curiosités pour l'empereur de Russie» (г-на Дивова, который покупал диковины для императора России), согласно Гамлену, управляющему делами египетской экспедиции. Именно этот антиквар 15 января 1827 г. во время продажи с торгов бывшего Собрания редкостей Вивана Девона купил в Париже два погребальных папируса жреца Осоркона, в настоящее время хранящихся в С.-Петербурге, в Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Профессор Германн де Мейленааре только что напомнил нам, что племянник Вивана Девона, возможно, не имел права в то время выставлять на продажу эти два папируса; мы здесь лишь отметим, что с 1809 г. благодаря гравюру Девона, Шампольон изучал эти рукописи, которые цитируются всегда со ссылкой на Девона, в его «Grammaire égyptienne», а также в его многочисленных карточках и рукописных заметках, хранящихся в Национальной библиотеке в Париже. «Книгу Мертвых» Осоркона толковал также в 1810 г. Александр Ленуар в своей книге «Nouvelle Explication des Hieroglyphes». Наконец, присутствие графа Орлова наряду с герцогом де Блакасом, бароном Гумбольдтом, бароном Ларре, бароном Девонем или графом де Форбенем на открытии мумии Петеменона в 1823 г. неизбежно вызывает в памяти картину, которая 63 года спустя обесмертит открытие в г. Булаке Г. Масперо, Э. Бругшем, Ю. Бурьяном и д-ром Фуке — в присутствии хедива и многих других высоких особ — мумии Рамзеса II. В числе присутствующих особо отметим представителя России В.Н. Хитрово, столько сделавшего для того, чтобы рассказать о русских путешественниках в Египте и о паломниках на Синае. Ему мы обязаны и важной библиографией этой проблемы, опубликованной в 1876 г., а также «Notes du second voyage de Noff», вышедшими двумя годами позже, и изданием в 1889 г. его «Itinéraires russes en Orient». Эти работы, должно быть, вдохновили позднее и Рене Каттави Бея, автора ценной книги «Règne de Méhémet Aly d'après les archives russes en Egypte (Le Caire et Rome, 1831—1836)», и в более близкий к нам период, О.В. Волкова. Подобного рода работу следует систематически продолжать, поскольку имена многих путешественников оказались пропущены в списках. Например, только недавняя работа о художнике Эжене Фромантене, приглашенном в 1869 г. на торжества в Исмаилию, позволила мне установить факт пребывания тогда на Суэце графа Владимира Михайловича Сологуба, произведения которого Фромантен, сам писатель, конечно же, знал. По примеру барона Иксуля некоторые путешественники собирали небольшие коллекции. Один пример: стелофорная статуэтка Мена, которая до 1864 года была предложена Румянцевскому музею и в настоящее время хранится в Пушкинском музее (I, 1. а. 6145).

⁷ «У нас были переговоры у г-на Ильинского. Я ему (Зейффарту) показал без обиняков всю порочность его занятий и привел аргументы, на которые он ничего не смог возразить (...). Его единственный сторонник здесь — Ланчи, который его подстрекает».

Местонахождение фиванской гробницы, где, очевидно, Норов обнаружил памятник в 1834 г., неизвестно. В связи с первым путешествием Норова можно вспомнить и другого коллекционера — драгомана Генерального консульства России в Египте, человека весьма близкого к Дроветти, которого встречал и хорошо отзывался о нем Шампольон, а именно — Эдуардо Лавизона, предложившего в 1840 г. Эрмитажу папирус.

Очевидно, что необходимо заново собрать всю информацию, которую нам могут предоставить путешественники: как для того, чтобы уточнить историю нашей дисциплины, так и для того, чтобы лучше использовать старые фонды наших музеев или наши архивные папки.

М. Деваштер, национальный Центр Научных Исследований,
Париж